

Александр
Агафонов

Вестники Будущего

Творчеству выдающихся
мыслителей, писателей-
фантастов, посвящаю

Александр Иванович Агафонов
Вестники Будущего.
Творчеству выдающихся
мыслителей, писателей-
фантастов, посвящаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20974968
ISBN 9785447495169

Аннотация

ВЕСТНИКИ БУДУЩЕГО. О жизни и творчестве Александра Александровича Богданова-Малиновского, Ивана Антоновича Ефремова, Сергея Ивановича Павлова, Станислава Самуиловича Лема, Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких

Содержание

Звезда Сан Саныча

5

Конец ознакомительного фрагмента.

40

**Вестники Будущего
Творчеству выдающихся
мыслителей, писателей-
фантастов, посвящаю
Александр
Иванович Агафонов**

© Александр Иванович Агафонов, 2016

ISBN 978-5-4474-9516-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звезда Сан Саныча

«...Мэнни – настоящий великий человек, – сказал я.

– Да, если вам нравится так называть человека, который действительно много и хорошо работал.

– Я хотел сказать не это: работать много и хорошо могут и вполне обыкновенные люди, люди-исполнители. Мэнни же, очевидно, совсем иное: он гений, человек-творец, создающий новое и ведущий вперёд человечество.

– Это всё неясно и, кажется, неверно. Творец – каждый работник, но в каждом работнике творит человечество и природа. Разве в руках Мэнни не находится весь опыт предыдущих поколений и современных ему исследователей, и разве не исходил из этого опыта каждый шаг его работы? И разве не природа предоставила ему все элементы, и все зародыши его комбинации? И разве не из самой борьбы человечества с природой возникли все живые стимулы этих комбинаций? Человек – личность, но дело его безлично. Рано или поздно он умирает с его радостями и страданиями, а оно остаётся в беспредельно растущей жизни. В этом нет разницы между работниками; неодинакова только величина того, что они пережили, и того, что остаётся в жизни.

– Но ведь, например, имя такого человека, как Мэнни, не умирает же вместе с ним, а остаётся в памяти человечества, тогда как бесчисленные имена других исчезают бес-

следно.

– Имя каждого сохраняется до тех пор, пока живы те, кто жил с ним и знает его. Но человечеству не нужен мёртвый символ личности, когда её уже нет. Наша наука и наше искусство безлично хранят то, что сделано общей работой. Балласт имён прошлого бесполезен для памяти человечества.

– Вы, пожалуй, и правы; но чувство нашего мира возмущается против этой логики. Для нас имена вождей, мысли и дела – живые символы, без которых не может обойтись ни наша наука, ни наше искусство, ни вся наша общественная жизнь. Часто в борьбе сил и в борьбе идей имя на знамени говорит больше, чем отвлечённый лозунг. И имена гениев не балласт для нашей памяти.

– Это оттого, что единое дело человечества для вас всё ещё не единое дело; в иллюзиях, порождаемых борьбой между людьми, оно дробится и кажется делом людей, а не человечества. Мне тоже было трудно понять вашу точку зрения, как вам – нашу».

Александр Александрович
Богданов-Малиновский,
роман «Красная звезда»,
1908-ой,
год «падения Тунгусского метеорита»

Вполне разделяю взгляды Александра Александровича, выраженные им и в романе, и в его творческом наследии в целом, которое именно – одной из ярких путеводных звёзд для пришедших на смену мыслителей, – учёных и писателей, вошло в галактику человеческого знания.

И выше означенный взгляд, высказанный от имени марсианина Мэнни, для нас очень важен в силу того, что многие, действовавшие ранее и действующие сейчас, сообщества зачастую употребляют имя деятеля, ставшее символом, в целях, едва ли не противоположных тем, к которым он стремился. Тому наглядными примерами – существующие религиозные конфессии, идеологии, отрасли науки.

Поэтому и сей текст посвящён более Делу, нежели Име-

ни, – в развитие идей мыслителя, а не в разыскание дополнительных сведений к некому биографическому абрису, коих уже достаточно; воздадим их авторам должное и пойдём далее по пути Знания. Дело – героя повествования и общее, человечества – «на миллионы лет и парсек», поэтому текст – не более, чем лишь очередной штрих к огромному Полотну.

«...Когда всё было разъяснено и допросы, естественно, исчерпались, а меня продолжали держать в тюрьме, я обратился к Дзержинскому с заявлением, которое у меня сохранилось и здесь приводится:

*Начальнику ГПУ Ф. Э. Дзержинскому
от члена Социалистической Академии
А. Богданова*

Заявление.

После своего ареста я обратился к Вам с заявлением, которое не было основано на знакомстве с сутью моего дела. Теперь она стала мне ясна и я позволяю себе вновь к Вам обратиться

Меня обвиняют в мелкой подпольной работе, направленной против РКП и ведущейся под фирмою группы «Рабочая правда». Обвинение для меня психологически позорящее – совершенно независимо от того, как смотреть на эту группу.

Ибо оно означает вот что.

Старый работник с многолетним политическим стажем и опытом уклонился от великой борьбы, когда она разгоралась, когда она охватила пламенем всю его страну, когда его товарищи изнемогали сверх сил под жестокими ударами со всех сторон; в такое время он предпочёл идти своим путем, работать в иной области, где не звучит набат к «сбору всех частей» – в области культуры и науки.

Одно из двух: или этот человек – презренный дезертир, или он имел серьёзные и глубокие основания так поступать.

Но вот, когда буря затихла, когда жизнь стала входить в свои рамки, когда главные жертвы принесены, а дело культуры и науки вновь занимает своё нормальное место в жизни, – именно тогда этот человек украдкой пробирается на арену политики и начинает, – анонимно, во мраке, – что-то делать... Не важно, что. Но где же те «серьёзные и глубокие основания», которые удержали его в безопасной дали от пожара? Значит, их не было?

Тогда нет оправдания и приговор ясен.

Основания были и остались серьёзные и глубокие. Работник не изменял и не отдыхал; он тоже делал дело, по его полному и продуманному убеждению, необходимое для мировой революции, для социализма; он тоже взял на себя задачу, по масштабу сверх человеческих сил. И он не мог поступить иначе, потому что в этом деле, в этих задачах, он был

одинок и некому было его сменить, некому заменить.

Идея пролетарской культуры... Да, может быть, теперь, в нашей крестьянской, нищей и голодной стране, она стала несвоевременна, – может быть, наш немногочисленный, истощённый героической борьбой с врагами и разрухой, пролетариат обречён лишь оцупью и частицами творить эту культуру, пока не наберётся сил для сознательного со-зидания и собирания её элементов. Но остаётся непреложным фактом, что в первые страшные годы борьбы лозунг этот, даже смутно понимаемый, одушевлял бойцов, сознание себя носителями новой, высшей культуры усиливали их веру в себя.

А теперь лозунг разнёсся по всему коммунистическому миру; и спросите коммунистов немецких, английских, итальянских, чехословацких – полезен ли он им в их деле?

Всеобщая организационная наука. Разве всеобщая разруха, разве мировая дезорганизация не говорят сурово и властно об её необходимости? И когда нашему рабочему классу силою вещей пришлось взяться за организацию всей жизни страны, разве не было самым трагическим в его положении то, что ему пришлось это делать оцупью, да с помощью специалистов старой науки, которая сама никогда не ставила задачи в целом? И разве мыслима всеобщая научная организация мирового хозяйства в социализм без выработанного орудия – всеоб-

щей организационной науки?

Выступает с жестокой настоятельностью вопрос об едином хозяйственном плане. Спросите наших ученых-специалистов – профессоров Громана, Базарова, самого руководителя Госплана Кржижановского – нужна ли и полезна ли для решения этого вопроса организационная наука?

Вот две задачи. Никто другой не брал их на себя. Но и отдавши им главную долю своих сил, я вёл всё время непосредственную работу для Советской России – просветительную, как автор учебников, которые применяются сотнями тысяч, которые издаются и Госиздатом, и комитетами РКП, лекторскую, профессорскую, – пока это мне позволяли. Работал и тут, конечно, не меньше любого из одобряемых и поощряемых спецов.

За последние годы прибавилась третья задача. Благодаря исследованиям английских и американских врачей, делавших многие тысячи операций переливания крови, стала практически осуществима моя старая мечта об опытах развития жизненной энергии путём «физиологического коллективизма», обмена крови между людьми, укрепляющего каждый организм по линии его слабости. И новые данные подтверждают вероятность такого решения.

Вот три задачи. Прав я или не прав в их постановке, но для меня они – всё.

И этим рисковать, этим жертвовать ради какого-то

маленького подполья?

Однако обвинение возникло не случайно. Его основа – поистине беспримерное использование некоторыми авторами «Рабочей правды» моего литературного достояния. Целые статьи или куски из них сплошь написаны в моих словах и выражениях, либо составлены прямо из обрывков, взятых в разных местах моих работ. Если бы я писал это, мой поступок нельзя было бы назвать иначе как безумным доносом на самого себя.

...почему же именно «Р <абочая> п <равда>» так привержена к моим словам и схемам, почему она так упорно хочет обосноваться на них?

Мне самому понадобилось время, чтобы решить этот вопрос... .. Вокруг меня создавалась отравленная, враждебная атмосфера... Только она сделала возможным возникновение моего дела. И она же для него создала материал, – толкнула кого надо к «богдановщине».

Существовали элементы брожения, недовольные ходом вещей, порядком, партией. Они, конечно, искали идеологии для себя. И вот, они видят человека, которого преследуют; кто? те самые, в ком для них воплощаются стимулы их недовольства, кого они считают врагами своих стремлений. Что может быть проще и логичнее вывода: «А вот он, должно быть, и есть тот, у кого мы найдём, что нам надо».

Читают, изучают, истолковывают применительно к своим настроениям. Думают обратиться к нему. Но он, оказывается, забронировался в роли теоретика, исследователя – в «аполитичности». Практически – политических указаний получить у него нельзя, и его оценка текущего развития только расхолаживает... .. Ну, что же, думают они, в этом мы без него обойдемся. Используем, что нам подойдет, и уж используем полностью, – нечего с ним церемониться; а задачи сумеем поставить сами, какие мы находим правильными.

Тут всё объясняется: и «приверженность к богдановщине», и варварски бесцеремонное, ни с чем не считающееся использование, и самое понимание, резко противоречащее моим действительным идеям. Так же не случайно всё это, как и то, что люди, действительно понимающие, а не просто использующие мои идеи, сколько я таких знаю, идут либо, подобно мне, в науку, либо в строительно-творческую практику жизни.

Молодость узка и фанатична: «С Богдановым церемониться нечего; наше дело дороже; получить такого мученика для нашего дела (хочет он или не хочет) это выгодно!» И при всей их теоретической и литературной незрелости это, в смысле политического инстинкта, оказывается не так уж наивно...

27 сент <ября> 1923.

А. Богданов»

([www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages1adf.html?](http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages1adf.html?Key=17269&page=34)

[Key=17269&page=34](http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages1adf.html?Key=17269&page=34))

Текст взят с сайта «Сахаров-центр» и имя, сим центром носимое, позволяет провести прямую аналогию современности – событий конца XX / начала XXI века, с событиями почти вековой давности. Имя крупного советского физика, Андрея Дмитриевича Сахарова, одного из отечественных разработчиков термоядерного оружия, ставшее одним из символов, значение коих всего лишь за считанные годы изменилось практически полярно.

Вполне логично выглядело искреннее раскаяние Андрея Дмитриевича, наступившее уже после свершения важнейших изобретений – конструирования самого разрушительного в истории человечества оружия, и сильнейшее стремление предотвратить возможность применения оногo. Однако, сие стремление было умело использовано вовсе не для предотвращения сей катастрофы, и вообще – не против войны, как явления; войны как продолжались – так и продолжаютя, и ведут их всё те же «умельцы», что использовали и нашего учёного – использовали для победы в войне с нашим же народом. Сахаров стал одним из «таранов», посредством коих было разрушено могучее государство – Советский Союз.

Имя человека, призывавшего к миру, было использовано для победы в масштабнейшей войне – Третьей Мировой

(1945—1991 гг.) – против страны, гражданином которой он являлся.

Вот всего лишь два штриха (70-ых годов XX века и года 2010-го), чуть-чуть приоткрывающих соответствующие технологии:

«В 1975 «за бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между народами и за мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства» Андрей Дмитриевич Сахаров был удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. «Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР»

(А. Д. Сахаров, «Автобиография»; www.foxdesign.ru/aphorism/biography/saharov.html)

«Лауреатом Нобелевской премии мира стал китайский правозащитник Лю Сяобо. Нобелевский комитет в Осло не уступил массивному давлению со стороны Пекина, и это верное решение, считает Матиас фон Хайн:

– Лю Сяобо недостижим для телефонных звонков из Осло. И банкета с шампанским по случаю награждения не будет. Лауреат Нобелевской премии мира этого года вот уже почти два года находится в тюрьме в 450 километрах от Пекина. Китайский суд приговорил его к 11 годам лишения свободы за «подстрекательство к подрыву

государственной власти». Главное его преступление: он был соавтором «Хартии 2008» – манифеста, призывающего к кардинальным реформам в Китае, включая разделение властей, свободу мнений и отказ от однопартийной системы правления»

(www.dw-world.de/dw/article/0,,6094650,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml)

...Надо ли напоминать о занятых к 2010-му позициях Китая в мире?.. или приводить в пример наших нынешних «борцов за права человека» (при упоминании имён которых, большинство соотечественников плюётся)?

Андрей Дмитриевич – лишь один из многих, кто так неудачно вошёл в историю, кого сумели вписать в чёрные, разрушительные планы.

А вот Александра Александровича в таковые планы вписать не удалось – потому и жизнь его, как и многих других, неподатливых и упрямых, была оборвана так рано, – в 54 года.

Кстати, цифра сия – очень любопытна и ещё ждёт своего исследователя: на этой же роковой черте оборвалась и жизнь прежнего товарища и соратника Александра Александровича, ставшего его серьёзнейшим оппонентом и едва ли не противником – Владимира Ильича Ульянова-Ленина; та же цифра подвела черту и под жизнью другого крупнейшего отечественного деятеля – царя Ивана Васильевича

по прозвищу Грозного... сей перечень, позволяющий предположить существование больших знатоков человеческого общества, за ним надзирающих, можно продолжать...

Выделенное в предыдущей цитате – **всеобщая организационная наука, тектология**, разработкой которой Богданов-Малиновский занимался большую часть своей жизни. Замысел коей науки развит в – «модных» нынче – системном анализе (создание которого, как и огромное множество других отечественных достижений и открытий, приписывают иностранцу, канадцу фон Берталанфи), кибернетике («отцом» коей назначен Винер) и ряде других научных дисциплин – по-прежнему чрезмерно специализированных и обособленных, о недопустимости чего многократно говорил А. А. Малиновский.

«Красная звезда» – фантастический роман Богданова-Малиновского, послуживший своеобразным катализатором и для чуть позже написанной «Аэлиты» А. Толстого, и хорошим фундаментом для произведений И. А. Ефремова, – содержит многочисленные вкрапления идей, наблюдений, тезисов из сего огромнейшего и грандиознейшего по замыслу труда мыслителя.

Например, его размышления о языках (от имени землянина, доставленного на Марс в качестве своеобразного посредника для намеченного контакта между двумя челове-

ствами):

«Разумеется, я с первых же дней принялся за изучение их родного языка... .. Язык этот очень оригинален; и, несмотря на большую простоту его грамматики и правил образования слов, в нём есть особенности, с которыми мне было нелегко справиться. Его правила вообще не имеют исключений, в нём нет таких разграничений, как мужской, женский и средний род; но рядом с этим все названия предметов и свойств изменяются по временам. Это никак не укладывалось в моей голове.

– Скажите, какой смысл в этих формах? – спрашивал я Нэтти.

– Неужели вы не понимаете? А между тем в ваших языках, называя предмет, вы старательно обозначаете, считаете ли вы его мужчиной или женщиной, что, в сущности, очень неважно, а по отношению к неживым предметам даже довольно странно. Насколько важнее различие между теми предметами, которые существуют, и теми, которых уже нет, или теми, которые ещё должны возникнуть. У вас «дом» – «мужчина», а «лодка» – «женщина», у французов это наоборот, – и дело от того несколько не меняется. Но когда вы говорите о доме, который уже сгорел или который ещё собираетесь выстроить, вы употребляете слово в той же форме, в которой говорите о доме, в котором живёте. Разве есть в природе большее различие, чем между

человеком, который живёт, и человеком, который умер, – между тем, что есть, и тем, чего нет? Вам нужны целые слова и фразы для обозначения этого различия, – не лучше ли выразить его прибавлением одной буквы в самом слове?..»

Такого же – встроенного, неотделимого от остального текста – характера размышления о языках, их происхождении и развитии, и в фундаментальном труде Александра Александровича «Тектология. Всеобщая организационная наука» (в частности, в издании книжной редакции «Финансы», Москва, 2003 г., означенные темы затронуты в подглавках «Народная тектология», сс.46—47, и «Конъюгация диалектов и языков», сс.228—230).

Увидеть странность, загадку, неправильность, в самом привычном, – том, над чем никто даже и не задумывается...

Острый, живой ум подвергал сомнению самые, казалось бы, незыблемые основы – и таковые оказывались... весьма зыбки и мало... обоснованны. Для Александра Александровича не существовало авторитетов: сия позиция – полушутя – утверждалась им с самого раннего детства, – со слов родителей, в полтора года он вмешался в их спор,

«опрровергнув» – по-детски, разумеется – точку зрения одного из них: «Папа – дурак!»

И такая вот неподверженность авторитетам не могла, конечно же, – наряду с величайшими достижениями самостоятельной мысли – в обществе людей, далёких от совершенства, не сослужить плохой службы. Являясь одним из активнейших и... авторитетнейших деятелей (тот, кто скептически относится к разного рода авторитетам, не застрахован от возведения в ту же самую «степень», увы) российской социал-демократии, деятелем, не забывавшим о необходимости глубоко продуманной теории, на коей деятельность должна основываться, Малиновский довольно-таки быстро разошёлся во взглядах с бывшим соратником, не менее активным и авторитетным революционером, В. И. Ульяновым-Лениным.

Суть разногласий заключалась в самом подходе к преобразованию общества: Ленин декларировал – возьмём власть и тогда займёмся просвещением, – и «гегемона» – пролетариата, и крестьянства; а бывший его соперник по шахматным баталиям, ставший оппонентом политическим, полагал, что просвещение первично, и власть – социально ответственную и истинно народную – могут установить только достаточно просвещённые люди.

Отсюда и такая разница в жизненном пути двух деятелей-мыслителей, отсюда и разная степень вписанности в разрушительные для общества процессы.

Впрочем, и в большей мере вписанного в сценарии разрушения Ульянова-Ленина вовсе не зря поименовали «создателем Советского государства». И хотя закулисные режиссёры во многом использовали его энергию для разрушения (а после того, как он сумел выйти из-под их контроля, ликвидировали его), но уже в молодости он выбрал далеко не самую кровавую дорогу, сказав – в связи с казнью своего старшего брата, Александра Ильича (избравшего в качестве метода политической борьбы террор) – широко известное «Мы пойдём другим путём!..»

Александр же Александрович пошёл «третьим путём» – ещё более мирным и эволюционным. Путём неустанного просветительского труда.

Вот небольшие штрихи того, каким – по его мысли – должно быть просвещение, и вообще, педагогика (из «Красной звезды»):

«Первая глава имела прямо философский характер и была посвящена идее вселенной как единого целого, всё заключающего в себе и всё определяющего собой....»

В следующей главе изложение возвращалось к тому необозримо отдалённому времени, когда во вселенной не сложилось ещё никаких знакомых нам форм, когда хаос и неопределённость царили в безграничном пространстве....»

Далее шла речь о том, как материя, концентрируясь и переходя к более устойчивым сочетаниям, принимала форму

химических элементов, а рядом с этим первичные, бесформенные скопления распадались и среди них выделялись газообразные солнечно-планетные туманности, каких сейчас ещё при помощи телескопа можно найти многие тысячи....

– Скажите, Мэнни, – спросил я, – неужели вы считаете правильным давать детям с самого начала эти беспредельно общие и почти столь же отвлечённые идеи, эти бледные мировые картины, столь далёкие от их ближайшей конкретной обстановки? Не значит ли это населять детский мозг почти пустыми, почти только словесными образами?

– Дело в том, что у нас никогда не начинают обучения с книг, – отвечал Мэнни. – Ребёнок черпает свои сведения из живого наблюдения природы и живого общения с другими людьми. Раньше, чем он возьмётся за такую книгу, он уже совершил множество поездок, видел разнообразные картины природы, знает множество пород растений и животных, знаком с употреблением телескопа, микроскопа, фотографии, фонографа, слышал от старших детей, от воспитателей и других взрослых друзей много рассказов о прошлом и отдалённом. Книга, подобная этой, должна только связать воедино и упрочить его знания, заполняя мимоходом случайные пробелы и намечая дальнейший путь изучения. Понятно, что при этом идея целого, прежде всего и постоянно, должна выступать с полной отчётливостью, должна проводиться от начала и до конца, чтобы никогда не теряться в частностях. Цельного человека надо созда-

вать уже в ребёнке».

Иными словами: изучение систем следует начинать «сверху» – составляя некое общее представление о них, ибо, без такового представления можно всю жизнь ковыряться в частностях, но так и не сложить из них мало-мальски отвечающую действительности общую картину. (Наглядное описание серьёзных заблуждений «узких специалистов» заключается в себе притча о слепцах, взявшихся «постичь» слона и делавших совершенно разные, крайне односторонние, умозаключения, порождающие непримиримый спор: «похож на столб... скорее, на верёвку!.. длинная острая кость... высокий свод!.. шершавая занавесь...»)

Такая картина, являющаяся основой жизнеспособного мировоззрения, должна формироваться с детства. В сей картине и ребёнок, и взрослый, являются уникальной, неповторимой и бесценной, но частью – частью некоего Целого: своей семьи, своего народа, всего человечества, биосферы... частью Мироздания. Частью, цели которой в конечном итоге совпадают с некой общей целесообразностью, и назначение которой – заботиться, сохранять окружающий мир, искать и находить: в чём же заключаются пути его совершенствования, и жизнь свою посвятить именно этому совершенствованию.

В сём же романе высказан совершенно непривычный се-

годня для нас, но заставляющий серьёзно задуматься – а почему же нынче усиленно насаждаемо среди нас, русских, обратное? – взгляд (жителей Марса):

«За последний период нашей истории мы в десятки раз увеличили эксплуатацию нашей планеты, наша численность возрастает, и ещё несравненно быстрее растут наши потребности. Опасность истощения природных сил и средств уже не раз вставала перед нами, то в одной, то в другой области труда. До сих пор нам удавалось преодолеть её, не прибегая к ненавистному сокращению жизни – в себе и в потомстве; но именно теперь борьба принимает особенно серьёзный характер.

– Я никак не думал, что при вашем техническом и научном могуществе возможны такие опасности.

– ... трудности повсюду значительны; и чем теснее наше человечество смыкает свои ряды для завоевания природы, тем теснее смыкаются и стихии для мести за победы.

– Но всегда же достаточно, например, сократить размножение, чтобы поправить дело?

– Сократить размножение? Да ведь это и есть победа стихий. Это отказ от безграничного роста жизни, это неизбежная её остановка на одной из ближайших ступеней. Мы побеждаем, пока нападаем. Когда же мы откажемся от роста нашей армии, это будет значить, что мы уже осаждены стихиями со всех сторон. Тогда станет ослабе-

вать вера в нашу коллективную силу, в нашу великую общую жизнь. А вместе с этой верой будет теряться и смысл жизни каждого из нас, потому что в каждом из нас, маленьких клеток великого организма, живёт целое, и каждый живёт этим целым. Нет, сократить размножение – это последнее, на что мы бы решились; а когда это случится помимо нашей воли, то оно будет началом конца».

Здесь, конечно, сделан не совсем правильный акцент на «военные действия» против природы – войну с Матерью, каковая война неизбежно закончится поражением неразумных детей; не война, но сотрудничество и выше упомянутый непрерывный и безостановочный поиск: в чём же развитие и совершенствование?

И успехом сему поиску – расширение области Жизни, – не увеличение объёма биомассы, грозящей уничтожить всё разнообразие Жизни и затем пожрать самое себя, а распространение Разума, сохраняющего и преумножающего цветущее многообразие Жизни.

В «Красной звезде» описана и такая коллизия, как выбор разумных: ассимилировать, уничтожить менее развитых ради собственного выживания и развития, или же поставить оное под серьёзную угрозу, но сохранить зачатки иного разума, иного пути развития, потенциально не менее прекрасного:

«...если дело идёт вообще о массовом переселении, то, конечно, только о переселении на Землю [рассуждает марсианин]. Тут препятствия со стороны природы ничтожны, её богатства неисчислимы, – они в восемь раз превосходят то, что даёт наша планета. Самое дело колонизации хорошо подготовлено уже существующей на Земле, хотя и невысокой культурой. Всё это, разумеется, известно и центральной статистике. Если она предлагает нам вопрос о выборе, а мы находим нужным его обсудить, то исключительно по той причине, что Земля представляет нам одно, очень серьёзное, препятствие. Это её человечество....

...в конце концов, после долгих колебаний и бесплодной мучительной растраты сил, дело пришло бы неизбежно к той постановке вопроса, какую мы, существа сознательные и предвидящие ход событий, должны принять с самого начала: колонизация Земли требует полного истребления земного человечества....

Высшей жизнью нельзя жертвовать ради низшей. Среди земных людей не найдётся и нескольких миллионов, сознательно стремящихся к действительно человеческому типу жизни. Ради этих зародышевых людей мы не можем отказаться от возможности зарождения и развития десятков, может быть, сотен миллионов существ нашего мира – людей в несравненно более полном значении этого слова. И не будет жестокости в наших действиях, потому что мы сумеем выполнить это истребление с гораздо меньшими

страданиями для них, чем они сами постоянно причиняют друг другу....

Мировая жизнь едина. И для неё будет не потерей, а приобретением, если на Земле, вместо её ещё далёкого полуварварского социализма, развернётся теперь же наш социализм, жизнь, несравненно более гармоничная в её непрерывном, беспредельном развитии»

Такому, предельно логичному – и предельно жестокому, предельно бесчеловечному – подходу противопоставлен не менее логичный, но куда более человечный, более разумный, подход:

«Уничтожить, навеки истребить целый своеобразный тип этой жизни, тип, которого потом мы никогда уже не можем ни восстановить, ни заменить....

Сотни миллионов лет жила прекрасная планета, жила своей, особенной жизнью, не такой, как другие... И вот из её могучих стихий стало организовываться сознание; поднимаясь в жестокой и трудной борьбе с низших ступеней на высшие, оно наконец приняло близкие, родные нам человеческие формы. Но эти формы не те, что у нас: в них отразилась и сосредоточилась история иной природы, иной борьбы; под ними скрыта иная стихийность, в них заключаются иные противоречия, иные возможности развития. Настала эпоха, когда впервые может осуществиться соединение

двух великих линий жизни. Сколько нового многообразия, какая высшая гармония должна возникнуть из этого сочетания! И нам говорят: мировая жизнь едина, поэтому нам надо не объединять, а... разрушать её...

Но земные люди... не только ниже и слабее нас по культуре – они иные, чем мы, и потому, устраняя их, мы их не заменим в мировом развитии, мы только механически заполним собою ту пустоту, которую создадим в царстве форм жизни...

...измерять это человечество счётом праведников – сознательных социалистов, которых оно сейчас в себе заключает, – ... судить его по его нынешним противоречиям, а не по тем силам, которыми порождены и в своё время будут разрешены эти противоречия. ... осушить навеки этот бурный, но прекрасный океан жизни!..

Твёрдо и решительно мы должны... ответить: никогда!»

Ныне на Земле есть прямая аналогия выше описанному выбору: самая успешная цивилизация – именно ЦИВИЛИЗАЦИЯ – условно называемая Западной, которая достигла самого высокого технико-технологического уровня из всех земных культур, также склонна к тому, чтобы на пути собственного развития («прогресса») все прочие культуры и народы отформатировать по своему шаблону. Уничтожив тем самым существующее многообразие – и всех непокорных.

Хотя, разумеется, стремление доминировать, господство-

вать, – черта, свойственная в настоящее время – в большей или меньшей мере – всем человеческим сообществам, объединяемым в народы и культурно-исторические типы; не следует об этом забывать, дабы не впасть в противоположное заблуждение.

Пока таковая тенденция не изжита – невозможно мирное сосуществование и сотрудничество народов, и, значит, невозможно ОБЩЕЕ дальнейшее и быстрое развитие, так как значительная часть ресурсов неизменно тратится на противостояние, вместо того, чтобы вкладываться в совместные исследования, эксперименты, разработки. А без такого сотрудничества человечество обречено, – даже не топтаться на месте, а деградировать, ибо остановок в развитии не бывает – остановка ведёт к упадку.

*«Первая попытка **универсальной** методологии принадлежит Гегелю. В своей **диалектике** он думал найти всеобщий мировой метод, причём понимал его не как метод организации, а более неопределённо и абстрактно – как метод «развития». Уже этой неясностью и отвлечённостью исключался объективный успех попытки; но помимо того, как метод, взятый из специальной, идеологической области, из сферы мышления, диалектика и по существу не была достаточно универсальна. Тем не менее, систематизация опыта, выполненная Гегелем с помощью диалектики, превосходила своей грандиозностью всё, когда-либо сделан-*

ное философией, и имела огромное влияние на дальнейший прогресс организующей мысли. Универсально-эволюционные схемы Спенсера и особенно материалистическая диалектика были следующими приближениями к нынешней постановке вопроса.

Эта последняя постановка вопроса отличается, во-первых, тем, что основана на выяснении его **организационной** сущности, во-вторых, тем, что в полной мере **универсальна**, охватывая и практические, и теоретические методы, и сознательные человеческие, и стихийные методы природы. Одни другими освещаются и поясняются; вне же такой интегральной постановки вопроса его решение невозможно, ибо часть, вырванная из целого, не может быть сделана целым или быть понята помимо целого.

Всеобщую организационную науку мы будем называть **«тектологией»**. В буквальном переводе с греческого это означает «учение о строительстве». «Строительство» – наиболее широкий, наиболее подходящий синоним для современного понятия «организация» (А. А. Богданов-Малиновский, «Тектология. Всеобщая организационная наука», кн. ред. «Финансы», Москва, 2003, с.62).

Именно строительство, обустройство нашего общего Дома – Земли, ведущееся на разумных началах, – наше будущее; в ином случае будущего у нас попросту нет. Уже сейчас мы встали перед непреодолимой преградой: даже во времена

«соревнования» двух идеологических систем – капиталистической и социалистической, – а говоря точнее: во время Третьей мировой, называемой ещё «холодной» (т.е., без массированного применения оружия главными воюющими сторонами СССР и США), войны – имело место и сотрудничество. Например, осуществлялись совместные проекты в Ближнем Внеземелье, на околоземной орбите. И сие сотрудничество было плодотворнее, нежели сейчас – в силу того, что сотрудничающие шли РАЗНЫМИ путями и даже незначительное соприкосновение давало очень многое.

Теперь же СССР разрушен, БОльшая часть того, что было достигнуто, стала добычей геополитических противников (и стала недосыгаемой для бывших её обладателей) – но пользы сия добыча принесла мало. Исчез сам стимул («стимул» – острая палка, коей в древнем Риме пользовались погонщики ослов) для внедрения добытых достижений. Нет такого стимула в современном капиталистическом мире, ориентированном гедонистически – на максимум потребления, удовольствия, комфорта, при минимуме усилий, затрат.

И без внешних стимулов (острых палок, тычущих в бок) такое общество обречено на разложение, деградацию и неминуемую гибель. Хотя, настоящая ситуация показывает, что даже и глобальный системный кризис – стимул, острее некуда! – не может дать достаточного побудительного толчка к необходимым разумным действиям.

Значит, что-то существенное отсутствует в возобладав-

шей Западной культуре, есть в ней какой-то серьёзный изъян, который угрожает уже не только ей самой, но и всем прочим культурам, попавшим в чрезмерную от неё зависимость. (Восход «Поднебесной империи» и его последствия здесь не рассматриваю.) Значит, преобладание сие – чрезмерно и подлежит регуляции; а изъян – исправлению при помощи других культур, но вовсе не их ассимиляция и уничтожение.

«Не раз делались попытки выработать новый, универсальный язык, который смог бы заменить и вытеснить все теперь существующие; некоторый успех, впрочем, весьма ограниченный и далёкий от поставленной задачи, имели «волапюк» [предложен в 1879 г. германским священником Иоганном М. Шлейером, на основе английских, французских, немецких и латинских корней; был известен десять лет и утратил популярность] и затем «эсперанто». Способы выработки были по существу конъюгационные: изобретатели старались слить воедино всё, что было, по их мнению, «лучшего» в наиболее развитых и распространённых языках нашей эпохи. Задача вполне тектологическая и чрезвычайно грандиозная; но правилен ли был выбранный путь для её решения?*

Язык – организационное орудие, посредством которого координируется человеческая деятельность во всех её проявлениях. Он поэтому и соотносителен всей этой деятель-

ности в полном её объёме, он всю её выражает; он [так – в источнике, хотя по контексту – «она», деятельность] – тот деятель подбора, которым определяется развитие языка. Поэтому несомненно, что объединение практической, трудовой организации человечества поведёт необходимо к выработке единого языка, причём и тот, и другой процесс осуществляются, конечно, методами конъюгационными...

Эти объединительные тенденции частью парализуются, а ещё в большей мере маскируются и заслоняются от современного сознания борьбой наций с её неизбежным лингвистическим сепаратизмом. Борьба же эта обусловлена конкуренцией из-за рынков, которая объективно и есть основное препятствие к развитию лингвистического единства; пока она не будет устранена, это единство практически недостижимо; но по её устранении прогресс будет совершаться во много раз быстрее, и оно будет достигнуто несравненно легче, чем, например, до сих пор достигалось слияние областных наречий в национальный язык» (А. А. Богданов-Малиновский, «Тектология. Всеобщая организационная наука», кн. ред. «Финансы», Москва, 2003, сс.228—229).

***Конъюгация** – соединение: сотрудничество, всякое общение, «и соединение понятий в идеи, и встреча образов или стремлений в поле сознания, и сплавление металлов, и электрический разряд между двумя телами, и обмен предпри-

ятий товарами, и обмен лучистой энергии небесных тел; конъюгация связывает наш мозг с отдалённой звездой, когда мы видим её в телескоп, и с наименьшей бактерией, которую мы находим в поле зрения микроскопа... усвоение организмом пищи, которая поддерживает его жизнь, и яда, который его разрушает, нежные объятия любящих и бешеные объятия врагов, конгресс работников одного дела и боевая схватка враждебных отрядов...» (там же, сс.88—89).

Да, сто лет назад отношение к «лингвистическому сепаратизму» могло быть таким, каким его выразил Александр Александрович. А вот нынче – после четырёх мировых войн, – двух «горячих» (1914—1918 и 1939—1945 гг.) и двух «холодных» (1945—1991 и, условно, 1991—2001 гг.), победа в коих была одержана, прежде всего, методом «культурного сотрудничества» (т.е., в конечном итоге, насаждения культуры собственной и переформатирования-уничтожения культуры завоёвываемых стран-территорий, важнейшей составляющей коего является насаждение языка завоевателя) – отношение неизбежно должно быть изменено.

Говоря просто: уничтожению – следует сопротивляться. Лучшая же защита – активная, наступательная. Поэтому полностью разделяю следующие постулаты и нахожу очень актуальным приведённый пример:

«Шестой подход принадлежит лучшему на сегодняшний день методологу, доктору

психологических наук Ю. В. Громько. Он и его коллектив предлагает проинвентаризировать на русском языке весь современный опыт и знания, доступные нам актуально и транслятивно – через тексты – с точки зрения задачи создания новых наук и практик, введения новых принципов научности и практичности, описания средствами методологического системомыследеятельностного языка всех авангардных или пионерных нарождающихся на наших глазах фрагментов будущих наук и практик, и представить эти описания в виде Проектной энциклопедии.

...

Очень интересен опыт проведения языковой политики в такой далёкой и, к великому сожалению, ещё очень плохо известной в России стране, как Малайзия.

Малайзия не боится ставить в качестве стратегической задачи построение мировой державы на основе промышленного принципа. Для этого она изучает лучший опыт со всего мира, а специально созданные правительственные структуры, например, Деван Бахасана дан Пустака (Совет по развитию языка) переводят на малайский язык все важнейшие понятия всех эффективных наук и практик, а будущее своего языка видит не только макрорегиональным и транснациональным, но и мировым. Также следует добавить, что министр образования в Малайзии является третьим по рангу чиновником

страны после премьер-министра и министра обороны» (Ю. В. Крупнов, «Стать мировой державой», Москва, «Яуза», 2003 г., сс.400 и 409).

С тем лишь – единственным, но существенным – замечанием, что приведённая цитата сама нуждается в дополнительном «переводе» на русский язык – с языка, который насаждается в высших учебных заведениях при освоении научных дисциплин, отрывая обучаемых от корней родного языка и втискивая их разум в чужеродную матрицу, омертвляя его. (Характерные, требующие дополнительного «перевода» слова: «проинвентаризировать», «актуально и транслятивно», не говоря уже о монстре «системомыследеятельностного» – то, что звучит в языке неуклюже, неестественно, языком отторгается – то не войдёт в разум носителей языка и не станет их практикой...)

Несомненно, общий язык будет постепенно складываться-возникать в результате объективного процесса глобализации (т.е., возрастания глобальной связности, уровня дееспособности множества субъектов). Но сей язык будет на порядки богаче, насыщеннее многими составляющими из других языков, нежели тот, что в последние несколько десятилетий упорно стараются насадить любой ценой. Т.е., используя терминологию Богданова-Малиновского, **языковая конъюгация** будет на порядки глубже и, соответственно, даст на порядки бОльшие импульсы к развитию – то-

гда как засилье, условно говоря, «пиджин инглиш» (своеобразный «койнус», – язык, возникший в результате завоеваний Александра Македонского на эллинизируемых территориях – современности) ведёт к быстрой массовой деградации. (Или же, в лучшем случае, к развитию только в рамках именно Западной культуры.)

И здесь также нужно идти «по лезвию бритвы»: нарастающая – и одновременно инициируемая и поддерживаемая теми, кто уже ведёт «бои местного значения» Пятой мировой – волна активизации малых (и не очень) народов, усиления их заботы о сохранении и развитии культурной (в т.ч., и языковой, разумеется) самобытности имеет, как обычно, не менее двух сторон.

Первая – положительная, так как богатство целого складывается из богатства частей его; чем богаче языки и культуры народов, населяющих Россию, – тем потенциально богаче её общая культура, тем она жизнеспособнее и могущественнее. И, кроме того, таковая тенденция может помочь и налаживанию межкультурных связей, т.е., той самой – глубокой – конъюгации культур: скажем, поморы, сохраняющие богатство своего языка – владеющие не только современным Русским языком во всём его богатстве, но помнящие и «поморску говорю», использующие и язык международного общения-сотрудничества – в данном случае, с норвежцами, – «русьнорг»...

А вот вторая – отрицательная: часть «активностей» (ес-

ли пользоваться тектологической терминологией) направляема на деятельность, не ведущую к развитию. Скажем, некий представитель одного из малых народов (или, как их упорно стремятся именовать, – этносов, – «забывая» при этом о неотъемлемых от этноса «демосе» и «охлосе») занимается воспроизведением давно уже утративших своё былое предназначение элементов своей культуры, ВМЕСТО того, чтобы принимать участие в создании элементов новых – пусть и при посредстве иных культур, или культуры объемлющей.

В качестве примера, – опять же, помор, настаивающий на необходимости продолжать заниматься охотничьим промыслом – добывать детёнышей тюленя, – мол, сие есть неотъемлемый элемент нашей культуры; тогда как и технология изготовления одежды уже давно позволяет обходиться без убийства живых существ, и участие сего помора в изучении жизни тех же тюленей принесло бы куда большую пользу, нежели уничтожение оных...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.